

Иван Андреев

Мысли в рифмах

Избранное

Иван Андреев
Мысли в рифмах. Избранное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42923339

ISBN 9785449697837

Аннотация

Новый сборник современной российской поэзии. В этом произведении лирические сцены гармонично соединяются с глубокими мыслями о смысле бытия.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Мысли в рифмах

Избранное

Иван Андреев

© Иван Андреев, 2019

ISBN 978-5-4496-9783-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

1992—1996 годы

В Италию

1.

Если долго смотреть в одну точку,
в конечном счёте, можно сойти с ума.
Не считая охотника, и планетария.
Со временем ясный взгляд превратится в туман,
Нависающий над югом Италии.

2.

После с вашей фантазией, обязательно случится срыв.
Вы окажетесь у закрытых дверей пиццерии.
Но войти вы не сможете, прочитав на вывеске
«Перерыв».
Вы направитесь в церковь Пресвятой Девы Марии.

3.

В сквере у церкви прохладнее, и есть где сесть.
Даже из порта доносятся обрывки вальса.
Пожилой итальянец напротив, ищет очередную весть,
перелистывая страницы «Таймса».

4.

Улицы перпендикулярны домам, и параллельны течению реки.

Проходя мимо можно услышать музыку из кафе, в сопровождении свиста.

Кружатся, встречаются на пути кипельно белые мотыльки,

похожие на халат дантиста.

5.

Длинная ровная улица без изъяна, похожая на огромный минус.

В конце скрещивается перекрёстком, и становится жирным плюсом.

В порту сильно пахнет рыбой, можно сказать дома поглощает вирус.

Каждый раз по пятницам, от рождества Робинзона Крузо.

6.

Вековые Атланты свысока, с любопытством взирают.

Реагируют на входящих, как на красное глаз быка.

Цикламены цветут фиолетовым, низко птицы летают.

И туман словно ложка, сгущённого молока.

7.

Ночь наступает внезапно, как чернила разлитые по бумаге.

Катер береговой охраны слепит прожектором, светлячков.

На асфальте тень, как единственное пальто бродяги.

Отражаются стрелки городских часов.

8.

Если хорошо знаешь историю можно,
предугадать будущее хотя бы на год.
Поворачивая глобус с Юга на Запад,
с Севера на Восток. И в том же порядке обратно.
Не считая рыбной ловли, и судов прибывающих в порт.
Это происходит многократно.

9.

Вереница кондитерских, магазинов, кафе, ресторанов,
Синема.
Это продукт коммерции, и длительного сбережения.
Всего этого хватит на семьдесят лет, как минимум.
А больше не нужно, потому что больше не будет зрения.

10.

К полуночи особый аромат цветов, и мимо проходящих
сеньорит.
У стойки бара моряки, уже давно в ударе.
Глухой скрипач по памяти играет, и дымит.
Как хорошо, что этого не слышит Страдивари.

11.

В ресторане вам предложат лучшее вино из Тосканы.
Эйфория клоочет внутри, присущая только хмелю.
Можно подняться в номер, и принять горячую ванну.
Но лучше пройтись по улице, останавливаясь у борделя.

12.

Здесь замечательно всё: женщины, цветы, вино, местная пицца.

Театры, кафе, магазины, и тому подобное, и так далее.

Боже, я же забыл свои запонки у танцовщицы.

Нужно обратно в Италию, в Италию, в Италию.

1992г.

I sit in one of the dives on fifty second street
Y.X.Oden

В ночь на 6 марта

Я сижу в уютном баре,

на проспекте Освобождения.

Это не то же самое, что свобода.

Но и то, и другое понятие в равной степени.

Освобождает от времени, и от постоянства вообще.

На стене висят оригинальные часы,

по форме напоминающие медузу.

Рядом картина с летящим верблюдом.

Звучит песня памяти Энрико Карузо.

За стойкой скучает блондинка, с роскошным бюстом.

Что бы сказал инженер Эйфель,

увидев в Европе подобную архитектуру.
Пейзаж с множеством перекрытий, и линий.
Довольно сложно отыскать для этого натуру.
Возможно, похожее что-то есть у Феллини.

Сегодня в театре играют пьесу «Над нами».
Её ещё видел великий Чаплин.
Архитектура колон, и арок.
Но витражи от прозрачных капель,
отличают сюжеты почтовых марок.

Пятый предмет в столовом сервизе,
точно помнит застолье, и шум бесед.
Императорской власти достаточно, чтобы поймать птицу.
А также высокий, как лестница табурет, будет служить
подспорьем самоубийце.

1992г.

В дорогу

Отправлюсь я в дорогу,
возьму с собою пса.
С гитарой за спиною,
отправлюсь в никуда.

Ещё возьму я книгу,
любимого поэта.
Отправлюсь кочевать,

бродить по белу свету.

И путь мой не далёкий,
до станции последней.
Где грозный репродуктор,
передаёт известье.

Отправлюсь я на время,
а может насовсем.
От суеты трамваев,
уйду почти ни с чем.

На лодку сяду с другом,
лохматым чёрным псом.
Объявит репродуктор,
течением унесло.

Мой адрес не известен,
мой дом теперь река.
Я не отправлю писем,
в большие города.

А вы, и не ищите,
заблудшего меня.
Нет, я не заблудился,
мы с псом теперь семья.

Ему стихи читаю,
он рядом со мной спит.

А по утрам, он лая,
идёт меня будить.

Мне хорошо на воле,
свободен воздух мой.
Здесь нет автомобилей,
и гула мостовой.

Вы сами приходите,
на пенье соловья.
Но только не ищите,
заблудшего меня.

1992г.

В который раз

В который раз, как корень прорастает в нас, глухая
скрипка.

Изгиб луны, как тень твоих симфоний.

Смешная ты подобна сну, танцуешь словно кенгуру.

Под звуки скрипки.

1992г.

В путешествие

Мы с тобой убежим, от близких названий гостиниц.

От чужих рубежей.

От настенных часов, сумасшедших больниц.
От безлюдных домов, высоченных карнизов.
Где считали детьми прилетающих птиц.

Мы уедем с тобой в золотую страну.
Через Вену, Париж, и Сидней.
Будем, есть черепаховый суп,
и другие дары морей.

Мы с тобой улетим от разбитых зеркал.
Мимо Рима, значительно дальше.
Мы останемся там, среди моря, и скал.
Высотой с Пизанскую башню.

Мы умчимся с тобой, и оставим открытыми двери.
Нас с тобой унесёт прошлогодний Борей.
Я оставлю свои неземные идеи,
ты отпустишь своих голубей.

1992г.

...

Выносили из дома события тогда.
Был апрель, тротуары, была и вода.
Выносили ни мир, выносили ни сор.
И мечтал по соседству шальной светофор.

Растворялись дороги в глазах лихачей.
Как сироп апельсиновый, в чашке ничьей.

Как забытые темы, в домах городских.
Растворялись молитвы в сознаниях людских.

1992г.

Городское

В твоём городе слышится эхо.
Эхо старых трамваев над городом.
И дома заливаются хохотом,
а дворам это очень не нравится

Рассыпается солнце над площадью.
Всё когда-нибудь вспомнится, вспомнится.
Старый возчик ругается с лошадыю.
Вспоминая прошедшее, прошлое.

Раскрываются двери, и улицы.
Взору самых случайных прохожих.
На проспекте девочки умницы.
Предлагают по ценам схожим.

А за городом тянется ниточкой,
речка узкая. Речкой длинную
мы гуляли с тобой, помнишь Риточка.
Ты была тогда в блузке синенькой.

Здравствуй небо с полётами птичьими.
Здравствуй город с домами, и трубами.

Всё сменилось, авто заграничное.
Вернисажи, ночными клубами.

Что ж ты время с нами наделало.
Обесценилась ценность слов.
А душа всё надеялась, и верила,
в продолжение стука подков.

1992г.

* * *

Девочка катается на качелях
улыбается, и смеётся.
В твоей душе тепло,
а в моей тоскливо.
Почему пролетают мимо?
Те, кому нужно остаться.
С неба слететь, или точнее сорваться.
Быстрее прийти на помощь.
Как глубока истощенность.
Не хватает счастья, и света.
Доброго сердца, лета.
Не хватает любви к жизни,
больше чем ненависти к смерти.
Но если нас видят, как часть корысти,
для чего тогда нужны черти.
Даже ангелы пролетают мимо.
Связывающая ниточка рвётся.
Девочка катается на качелях

улыбается, и смеётся.

1992г.

* * *

Как всегда,
всё такая же ночь с полусонным дождём.
У тебя,
всё такие ж дела.
И на месте где раньше стоял дом-дом.
Но в нём нет меня пустота, пустота.
Ерунда,
все соседи твои, и дела.
Ерунда,
нет меня, нет меня пустота.
Как вчера,
всё по старому, как и вчера.
Но меня, больше нету меня пустота.
А свеча,
всё таким же сверкает огнём.
А душа,
вместе с сердцем, а в нём пустота.
Пустота без меня, пустота.
Вечера,
ты танцуешь с другим, не одна.
Но меня, больше нету меня пустота.
Города,
ждут меня города.
Но меня больше нету, меня пустота.

И тогда,
когда в окна прольётся мой свет.
Вот тогда скажешь ты мне привет.
Ерунда,
больше нету меня ерунда.
Пустота.
Нет меня пустота, пустота, пустота.

1992г.

Зима

Ты прекрасна графиня зима.
Твоя тонкая, белая линия.
Приравняет и сны, и дома
к всемогущему белому инею.
Скоро будет Рождество, и словно
по хрустящему снегу пройдут неги.
Разрисует узор окно оно,
и откроет ботаник цветам веки.

1992г.

Европейские фантазии

Постарайся вспомнить запах бразильского кофе в восемь часов утра.
В шикарном отеле, под названием « Golden fish».

Аромат кофейных зёрен, от твоего чулка, также разделяет черта.

Как небо от основания крыш.

У тебя была роскошная шляпа, и я всегда думал, что это чучело мухи.

Ты любила гулять, особенно по проспекту Элизабет Грей.

Обожала заметки, вывески, всякую всячину, просто слухи.

И особенно розыгрыш лотерей.

Клавиш машинки пишущей, западает на букве «Р».

Крутится грампластинка, извлекая музыку толстых, точнее джаз.

Директор гостиницы вызывает автомобиль, говоря мне, Сэр.

Провожает до двери, с напутствием «Bon voyage».

Я случайно наткнулся в шкафу, на твоё голубое боа.

Оно запылилось, и стало реликвией, как Тауэр стал музеем.

Когда цирк-шапито выезжает из пункта «А».

В пункте «В», обязательно станет новым Бродвеем.

Я смотрю на город, из окна многоэтажной гостиницы.

Единственное, что меня связывает с ним, это твоё

существование.

Вообще легенды, о великане-мельнице.

Достаточно правдоподобны, но только для жаркой Испании.

Я довольно часто брожу по улице, и замечаю тебя в некоторых эпизодах архитектуры.

Иногда мне кажется, что я вижу тебя за столиком кафе, где-то в Европе.

Я смотрю на проходящих женщин, как банкир на большие купюры.

И не могу отличить оригинал от копии.

1992г.

К Новому году

Расквиталась судьба со мной.

Я остался, как ветер нищ.

А душа из больших глазищ.

Валит, как белый дым зимою.

Занесло все дороги в рай.

Даже вата на ёлке в доме.

Переполнилась через край,

полка старая антресолей.

Я стою посреди зимы,

и считаю снежинки с неба.
Забери все с собой плоды,
из подаренного мною лета.

Солнце растопит,
кроны деревьев.
Будет метаться,
снег до апреля.
Сяду у печки,
вытяну ноги.
И заведу патефон.
А за окошком,
снежные ели.
Мне бы немножко,
тёплой постели.
И белой твоей любви.

И опять замела метель.
На дорогах заносы, и пробки.
Опустел мой тугой кошель.
Даже не на что выпить сотку.

А на улицах толкотня.
Кто-нибудь подарил бы ласку.
Я согласен за три рубля.
Примерять с красным носом маску.

Все рассядутся за столы.
По-домашнему у экрана.

И бенгальские будут огни.
И новогодняя телепрограмма.

Солнце растопит,
кроны деревьев.
Будет метаться,
снег до апреля.
Сяду у печки,
вытяну ноги.
И заведу патефон.
А за окошком,
снежные ели.
Мне бы немножко,
тёплой постели.
И белой твоей любви.

1992г.

Окно

Твоё окно, а в нём Париж.
Ты близко так к нему сидишь.
Ты с ним как будто говоришь,
словами вздохов. Словами
жестов, и гримас.
Мадам, весь этот мир для вас.
И все планеты, как одна
готовы вам дарить себя.
Я не устал от долгих вёрст.

Я вам вселенную принёс.
Мадам, весь этот мир для вас.
Я вас хочу, хотя бы раз.

1992г.

* * *

Обычная ночь, гудят поезда,
и город совсем не спит.
А северный ветер уходит туда,
где гавани, и корабли.
Где палубы драят лениво матросы.
Причаливают суда.
Где ловят радисты тревожные SOS, ы.
И сразу спешат туда.
Простите планеты за непониманье.
Но мы остаёмся здесь.
Где ветер гуляет, где море бушует.
И мы отправляемся в рейс.

1992г.

* * *

Она прекрасней всех была.
Я ей стихи читал.
Она кружилась как юла,
сливалась как овал.

Она часами в телефон,

подругам и друзьям.
Какой прекрасный всё же он,
наверно про меня.

А утром кофе прям в постель,
О, нежная газель.
Я перед сном ей лапки мыл.

Она кружилась и ушла,
а я любмл, и ждал.
Она сливалась как овал.
Она прекрасней всех была.
Я ей стихи читал.

1992г.

Осеннее интермеццо

Как хорошо осенним днём.
Бежать по улице вдвоем.
С Невою по теченью.
Забуть про летоисчисленье,
и часовые стрелки в нём.

Накинуть лёгкое пальто.
С минутой стоя у подъезда.
И в знак глубокого протеста,
умчаться в бежевом авто.

Вот магазин, ты помнишь в нём
купили сладкие эклеры.
Как удалые кавалеры,
ласкали женщин за углом.

А помнишь цирк: «парад Алле».
Как размыкался круг арены.
Как в старом доме довоенном,
открыли фотоателье.

Я помню шорох старых туфель.
И диалоги невпопад.
Как прежде время снегопад,
лакал из рук соседский пудель.

Галдели чёрные вороны.
Их заглушал осенний вальс.
Из окон музыка неслась,
когда крутили патефоны.

Скучает парк без детворы.
Ржавеют от дождей аттракционы.
И в ожидании волшебного неона,
стоят, как часовые, фонари.

На улице проезжие машины.
В парадном сильно пахнет табаком.
Соседка расписалась с моряком.
Напротив, в доме пышные крестины.

1992г.

Отражение

В зеркальном отраженье,
в невидимом пространстве.
Бродили словно лики,
как облики, и тени.
Два чёрных силуэта,
два мира, две планеты.
И растворялись в небе,
как капли дождевые.
На лицах, и на окнах,
на листьях, и ладонях.
Ты тоже там бродила,
прекрасная, как осень.
Великая, как время.
Душа твоя стеснялась,
робела, и смущалась.
А тело раздевалось.

1992г.

Песня о вещах

Февраль ещё болтался на крючке,
как шёлковое платье балерины.
На тумбочке лежали апельсины,

а рядом кактус в виде буквы «ч».

Безмолвен перекошенный карниз.
Не обделён вниманьем глазомера.
Свисала неуклюжая портьера,
и с завистью глядела на сервиз.

Грустили опустевшие стаканы,
на них губной помады яркий след.
От бабушки доставшийся буфет,
который обожали тараканы.

Роскошная пуховая подушка,
похожая на сахар рафинад.
И время объявляла невпопад,
засевшая в часах кукушка.

На ножках металлических, диван,
с продавленным сиденьем в середине.
Рыдает, и рычит по ныне,
никелированный водопроводный кран.

1992г.

Петербург

Я был на Невском в октябре.
Скучали львы, мосты, и арки.
Тянуло в комнаты, и парки.

К скамье тянуло во дворе.

Я вышел в серый Петербург.
Болтались шлюхи, и гардины.
Крутили фильмы, и бобины,
как не крутили никогда.

1992г.

* * *

Полжизни, перекинувши за плечи.
Летали бабочки, горели ярко свечи.
Сверкали улицы подаренного лета.
Блестели окна вымытые кем-то.

Прощай весна, прекрасная прощайте.
От снега нам, увы, светлей, не стало.
Как соберешься реки, и вокзалы.
Всё больше тянут, к слову «улетайте».

А там тепло, и может быть уютно.
Вчерашний день, четверг подарен людям.
А нам с тобой за прошлое обидно.
Обидно нам за бабочек, и флору.

Фруктовый сад, я это где-то слышал.
Распахнутые двери, словно ветви.
Пытаются и дети, и поэты.
Произнести, и умным, и безумным.

Два вечных слова: «верьте, и прощайте».

1992г.

* * *

Животу, и смерти Бог хвалённый.
Всё однажды делается прахом.
Жалко только месяц расчленённый,
и давно ушедший женский запах.
Жалко шарф болтается без дела.
Люди мечутся от дел позавчерашних.
Жаль мечту, что заживо сгорела,
и хозяина без тапочек домашних.
Нарисуй прощание уюта.
Всё как сон, ещё бы и разуться.
Всё как стон, и ангелы клянутся.
Никогда не опускаться сверху.

1993г.

Мистерия

За городом потянется свеча,
и самой страшной тенью отразится.
Ей надо жить, ей надо с чем-то слиться.
Ей одиноко без тебя, душа.
На фоне улетающего шара.
Ты так чиста, как ангел во плоти.
Открой глаза, и к небесам взлети.

За лёгким проявлением тумана,
покажутся небесные цвета.
Затем луна, а после ночи солнце.
Ты так добра несчастная Гала,
к потухшим звёздам.
Мерцанием, похоже, гениально.
Как отражение слов, и акварелей.
Соединяя руки, и свирели,
в одно большое звёздное пространство.

1993г.

* * *

Промчится ночь последней электричкой.
Я не дождусь единственную в мире.
Приду домой, и в маленькой квартире.
Услышу крики пьяной истерички.
Зажгу камин, и постучатся в двери.
Войдут шаги процокав каблуками.
И я скажу: «простите, что не с вами
нас на любовь мира благословили.

Начнётся день за окнами, играя.
Наполнит мир своим теплом, и светом.
Я закурю устало сигарету.
И стрелки час, лениво отсчитает.

1993г.

Рим

1.

Уехал, чемоданы бросив.
Остались здесь лакеи, и дома.
На главных улицах слоны, и мишура.
И год назад не признанный Иосиф.
Бродил по узким переулкам Рима.
Заглядывал в пустые кабачки.
Вот здесь стоял, а здесь снимал очки.
В нём было всё, как мир неповторимо.

2.

В общем, проездом, но не об этом речь.
Принимают вычурно, и даже сухо.
Повсюду играет национальная музыка,
звучит иностранная речь.
Не привычно, и режет ухо.
На площади шум, и гам
карнавальное шествие.
Прогуливаются молодые, красивые женщины
тут, и там. Около отеля автомобильное происшествие.
Утро, туман. Просыпаюсь, открываю веки.
С удивлением выглядываю в окно, смотрю город.
Мимо проходят иностранные туристы:
Немцы, французы, греки.
Тепло, весна скоро.

1993г.

Русская песня

Руки белые, словно лебеди.
Будто ангелы машут крыльями.
Прикасаются всё к окружности,
отрываются от неверия.
Ах, насмешники, ой угрюмые.
Ой, шуты всё рыдали босые.
Бабы хлеб пекли в избах рубленных.
Девки косы плели, да всё русые.
А вода-слеза чище голоса.
Да в сенях коса, о да вострая.
А к реке пойдёшь, словно по небу.
Свой подол макнёшь, подпоясаясь.
В сердце тишь, да блажь, в сердце верушка.
Очи синие Лизаветушка.
В очаге твоём угли теплятся.
На столах давно, уже скатерти.
Ах, помощница, да у матери.
Ой, прекрасная красна девица.
А зима придёт белолицая.
Первый снег пойдёт, да белым саваном.
Детвора во двор, да вереницею.
И в избе твоей пахнет ладаном.

1993г.

Сингапур

В самом начале лета,
когда расцветают розы-пурпур.
Перед глазами, как на ладони
расстиляется Сингапур.
Гавань. Суда с иностранной символикой.
Преобладает зелёный цвет.
Мальчик с удавом в руках,
и в скорее на шее.
Дрессирует при взорах туристов,
ловкость рептилии.
Или быстротечность ушедшего времени
от Востока. Око радуется экзотичность.
Переходящая в личность туриста,
засмотревшегося на море.
Цветы, очень много цветов.
Жарко, душно, даже очень жарко.
Национальная кухня. Местная кухарка
говорит хозяину арабу Абу-Али:
«Сингапур вбирает в себя понятие
Юга, Азии, солнца, фантазии Сальвадора Дали.

1993г.

* * *

У меня за окнами стучат поезда.
Жалко только не слышно Невы.
А у самых запястий земли,
слышно ветер, и только дожди.

Растворяется небо над сном.
Всё когда-нибудь будет дождём.
Расквитается мир с пеленой.
Всё когда-нибудь будет землёй.

А у самых истоков любви.
Будут вечно стоять короли.
И поспорим с тобой, и с душой.
Будет всё, будет день над землёй.

1993г.

Художник

Заброшен старый дом, и тут.
Мольберты, и холсты живут.
И на холсте танцует кисть,
как танго на паркете.
Штрихом ложится, чья та жизнь,
в задуманном сюжете.
Задумал мастер звездопад.
И дождь, и ночь, и гром, и град.
И все палитры, так похожи на меня.
Заброшен старый дом, и тут.
Надежды, и мечты живут.
Танцует танго кисть с рукой,
в забытой старой мастерской.

1993г.

Весна

Особняки, домишки, дачки.
Весна в обличии собачки.
Часами смотрится в окно.
Ей в отраженьи хорошо.
Особнячки, домишки, дачки.
В обличье маленькой собачки.
Весна ликует и тепло.

1994г.

Вчера

Вчера продрогшая зима.
Укрылась саваном, как пледом.
Луна неоновым рассветом,
легко на цыпочках ушла.

Звенел будильник заряжённый.
Фруктовый чай, вишнёвый сок.
На кухне яблочный пирог.
Глотали жадные обжоры.

Я встал сегодня поутру,
за стенкой лаяли соседи.
Кричали маленькие дети,

хватая соски на лету.

Незабываемая нить,
напёрсток, острая иголка.
Лежала сваленная полка,
когда я вышел покурить.

А всё теперь наоборот.
Нева застенчиво уплыла.
А как на самом деле было,
сейчас никто не разберёт.

1994г.

И. Губерману

Штрихи к портрету назван был роман.
Хоть и еврей, а в сердце самый русский.
До неприличности, приличный Губерман.
Прошедший всё от «А», и до кутузки.

Завидовал, наверное, бы Нобель,
увидев ваш роскошный, русский шнобель.
Был поражён и критик, и читатель.
Про жизнь твою читая, и про мать.

1994г.

Моё второе я

Моё второе я, шевелится во мне.
И копошит моё воображенье.
А после смерти будет уваженье.
И тёплая, и почва, и роса.
От снега, от ночного звездопада.
А после Бог, которому не надо.
Ни откровения, ни снега, ни тепла.
И будет принимать меня земля.
В свои большие распростёртые объятия.
И будут приходить к могиле братья,
чтобы со мной распить стакан вина.

1994г.

Светские новеллы

1.

Играет миссис «К» на фортепьяно,
прелюдию для баса, и сопрано.
На циферблате двадцать сорок шесть.
Со шторою играет кот сиамский.
Усевшись в кресле, старый мистер Джон.
Повторно мучает хозяйский телефон,
и курит трубку.

2.

Лорд Грей, недавно прибыл из Бразилии.

И полчаса трепался о рептилиях,
с восторгом, озираясь на камин.

3.

Два джентльмена, мистер Брик и Бряк,
играли в покер, выпив весь коньяк.
Часы пробили ровно десять раз.
Рассеялся туман немного в центре.
Красавицы сестрицы Олл, и Элл.
Всем отвечали только «very well»,
в который раз.

4.

В качалке задремала миссис Роза,
страдающая грыжей, и склерозом.
Однако исключительно пила.
Свистел Борей в трубе, как полисмен.
Пижон Уилбер с жадною ухмылкой.
Хватал за зад мисс Олл довольно пылко,
и связи добивался до утра.

5.

Двенадцать тридцать. Что Париж, что Лондон.
Прошу учесть, что стало очень модным,
носить зимою в клетку макинтош.
Ах, беднота се не порок, а средство
привлечь к себе внимание. Кокетство,
привычка состоятельных господ.

6.

Вернёмся снова к нашим джентльменам.

Беседа переходит к тонким темам.

И дамы не дают себе скучать.

А вы читали Фрейда, или Канта.

А Шопенгауэра, сколько в нём таланта.

О Ницше, и не стоит говорить.

(не окончено).

1994г.

У океана

Я подарил вам золотую брошь «улитка».

На берегу песчаном где-то посреди,

ни моря, а скорее океана.

Нам подавали блюда из фазана.

Мы вдаль глядели. Было без пяти

одиннадцать. Играли джаз на сцене.

Экзотика, японец официант.

Меню, как древнеримский фолиант.

А музыканты джазовые тени.

Нам будет хорошо с тобою, вечно.

Среди планет забытых, одна наша.

Мы назовём её по-русски «Саша»,

не допуская местного наречья.

За горизонтом ночь, и пахнет миндалём.

На привязи, как пёс рыбачья шхуна.
И точно знает филиппинец Бруно,
что завтра поплывёт за жемчугом.

Пустынный пляж, как шёлковая лента,
вдоль океана вьются без конца.
Похожий на усталого пловца,
приплывшего с другого континента.

1994г.

Элегия

Кряхтело, радио в квартале.
Мы на веранде пили чай.
Мальчишки табачок стреляли.
В окно влетела баттерфляй.

О, эта маленькая «птичка».
На всех садилась, и на стол.
Горела и потухла спичка.
В то время начался футбол.

Цирк шапито приехал в город.
Под солнцем места не нашёл.
Неловко я задёрнул ворот,
и по акациям пошёл.

Скрипели старые качели.

Фонарь качался на ветру.
Играли звонкие свирели.
И на веранде, и в саду.

1994г.

Лето

В душе вечерний перезвон,
что к вечеру вполне понятно.
А на душе легко, и внятно.
Звучит заигранный чарльстон.

Июль в разгаре самом, лета.
В сорочки белые одеты.
Прогулки морем, и кадеты.
Глазами пялятся на дам.

Сверкает море, чайки кружат.
Елизавета с Машей дружит,
второй десяток лет подряд.

Лакеи, франты, баснописцы.
Глядят, как в воду в ваши лица.
И душами кривят.

А рядом пляж в лучах лазурных.
Утопит смесь романов бурных,
в стерильности аллей.

На палубе полно людей.
На пирсе барышни с зонтами.
Дельфины борются с буйками.
И лето кажется длинней.

1995г.

* * *

Навзрыд читаю геометрию, и «Кубу».
Наотмашь бью назойливых, и глупых.
Читаю Пушкина, перечитав всю прозу.
Наотмашь бью, и нюхаю мимозу.

Я в этой сказочной стране не первый год.
Навзрыд читаю Бродского. И вот,
последняя уходит электричка.
А я стою, и жду не первый год.

И в геометрии соприкасаются остатки.
Круги вольны, легки, и падки.
Как грусть безумная, как грусть.
Подобная и аисту, и матки.

1995г.

* * *

Только голуби знак молчания.
Только голуби знак тишины.

Открываю, я книги втайне.
От людей, от судьбы, от земли.

И читаю запойно ночью,
и глотаю уродский свет.
Наверняка это Иосиф Бродский,
может Анна Ахматова, может Фет.

Я безумствую в ожидании.
Я считаю планет гроши.
Только голуби знак молчания.
Только голуби знак тишины.

1995г.

* * *

Ты упругая как вечность.
Скажешь ночь, и растворишься.
В мягком, дымчатом тумане.
Лишь в окне зажгутся свечи,
одинокие планеты.
Будешь ты мечтать о многом.
Вспоминая эти свечи,
что они ещё зажгутся.
Для любви твоей не чистой.
В мягком, дымчатом тумане.
Слышишь? Стонет быстротечность,
в цепких лапах мирозданий.
В чреве раненой вселенной.

Где горят одни лишь свечи.
В мягком, дымчатом тумане.

1995г.

Флора

Поэмы для растительных цветов.
Здесь ясно всё без возгласов и слов.
Где кактус глуп, герань превыше Бога.
Была натурщицей великого Ван Гога.
Сам Бродский увлекался ей всерьёз.

И если существует в мире флора.
Мы сводим взгляд от смерти и позора,
собою уничтоженных цветов.

А фикус что, что говорить о нём.
До нашей эры был ещё царём.
И среди флоры слыл известным ловеласом.

1995г.

Шут и мим

Положи тонкой, линию грима.
Сегодня шут, сегодня мим ты.
Слух режет тишина, и всё наоборот.
Вдруг в тишину врезается, картина.

Большой рояль, в обличье пантомима.
Мим веселит, играет, и поёт.
Шут глух, и нем, и всё наоборот.

1995г.

Болото

Жужжание назойливых стрекоз.
Болото, жабы, их анабиоз.
Мешает мне собраться с головою.
Понять себя, распушенную Зою.
Устало плещется не чистая вода.
Мы помним? Нет. Мы любим? Да.
Мешая поеданию стрекоз.
Болото, жабы, их анабиоз.

1996г.

«О»

Начнём, пожалуй, с буквы «О».
Через прозрачное окно, видна округа.
В лучах заманчивого круга,
не ощущается тепло.

Осло. Окно. Околесица.
Сжатая до минимума лестница.
Всеми перекладинами конструкции.

Тянется к небу, к звёздам.

1996г.

К часам, или прелюдия для часовой пружины

1.

На титульном листе, как и везде.
Нет ничего, и не грозит рассудок.
Так циферблат в ночное время суток.
Тайком переползает цифру сто.
Торопиться вернуться до рассвета.
В начало состояния, и лета.
С любовью, вспоминая про песок.

2.

Секунды-эмигранты убегают
за лесом, и за утренним трамваем.
Спешат, и попадут под колесо.
Часы, на полчаса опережая.

3.

Прелюдии для часовой пружины.
Скольжение, скрип, ужимки, и ужимы.
По своему играет, и поёт.
Для стрелки часовой свои канцоны.
Которая кокетливо, и сонно
от времени лениво отстаёт.

4.

Остановился маятник на взлёте.
Как грач зимою улетающий. К зевоте
Тянуло от усталости его.
Он с сожалением уставился в окно,
мечтая о свободе.

5.

Кукушка в этот день,
мол я устала, и вообще мне лень.
Кряхтела, каркала ссылаясь на ангину.
В итоге всё свалила на пружину.

1996г.

* * *

Улица нашего детства ровная, как линейка.
Переулки, дома-сантиметры.
Светофор через пару кварталов.
На подоконнике в клетке,
 снова поёт канарейка.
Ощущая прохладу металла.
Ночью сосед напротив
ищет волну, ловит голос Америки.
Съест бутерброд, чай подогреет.
Только в ответ в приёмнике.
Мольбы Эвридики, ищущей своего Орфея.
Снова шаги по улице,
волшебный фонарь мелькает.

Звёзды прячутся за полумесяцем,
астрологию напоминая.
Маленькие дома, дворики.
Калитка с номером «восемь».
Ставни недавно окрашены,
в цвет прошлогодней осени.
Старенький том Алигьери,
на дамском столике в гостиной.
Как жаль погибла Беатриче.
О, как глаза её горели.
А для кого-то просто Мери.
Полупрозрачная нимфетка,
с манящим запахом «Шанеля».
Со взглядом птичьего полёта.
Как жаль погибла Беатриче.
Растаял снег, смещался быстро с грязью.
Химическая формула (несложно),
туман плюс две метели. Осторожно
двадцатый век кривляется, и дразнит.
Неопытный, не смелый двадцать первый.

1996г.

Глава вторая

1997—2000 годы

В момент путешествия

Выходя из дома, сперва посмотри направо.
Подмигни полицейскому, сделай вид, что идёшь
к причалу.

Слева задумчиво разлеглась Варшава,
брошенная на берег Вислы, как сапог капрала.

Открывая книгу, старого немца, ныне историка.
По слогам читаешь слова, видишь воочию.
Что, немецкая философия, впрочем, как и её риторика.
Значительно превосходит машинопись, с её
многоточиями.

Проходя по улице, оборачивайся, в поисках резидента.
Не обнаружив его, выдыхаешь остатки пара.
В воздухе катастрофа, и свидетель тому дым, и лента.
Оглушительно падает вниз, как осколок воздушного
шара.

Не смотри на луну, не то начнёшь понимать, что её
надкусили.
Птицы болтают по-польски, о мировой политике.

Окна вдыхают воздух, с тоской, и тревогой, или
нападают на проходящих, с весомой критикой.

Не прикасайся к чужим вещам, особенно к женским
пудрам.

Можешь оставить след, и тебя примут за вора.

Если в галошах осенью, можешь считать себя мудрым.

Само собой разумеется, (тавтология) есть признак спора.

Не пытайся заговорить, на родном языке с прохожим.

Наверняка останешься не понятым, не смотря
на славянское происхождение.

Истина, только тогда, приобретает значение, когда её
смысл ожил.

В человеке (независимо от национальности), в момент
рождения.

1997г.

* * *

Абазур-острослов, многоликой своей бахромы.

Как попоны кобыл, не стесняясь земли, и зимы.

Смотрят в мир, и с глазами уставшего Дика.

Рассыпается снег, нет, не снег это хлопок души.

Я хватаюсь за мир, как за грудь малыши.

Преображая мотив, в отголоски минорного крика.

1997г.

* * *

В голове моей, не единой мысли.
А те, что были, давно уже скисли.
И превратились в завтрак, обед, и ужин,
случайного интуриста.
Или точнее сказать, в иллюзию Монте Кристо.

Ночи, которые были (для нас), новорождённым.
Превратились в чернила, и изменили с клёном.
Сморщились, постарели, смещались изрядно с воем.
Вселились в странника, и изгоя.

Мысли, вообще отличаются, как часть от целого.
Как владелец мыслей, как тьма, от белого
мела, и сахара, вместе взятого.
Реагирует на реакцию сажи, с ватой.

1997г.

* * *

Здесь тихо весной, и тихо зимой.
Никто не выходит к реке за водой.
И простыни вьются на сильном ветру.
И егерь подносит ладони ко рту.
Хозяин он в этом прекрасном лесу.
Он стар, заблудившись в родимом краю.
Он хворост несёт, и собаку ведёт.
Своей он избы никогда не найдёт.
Он слеп, он бессилён зимою в лесу.

О, бедный старик, он упал за версту,
от дома родного, где хлеб, и вода.

(не окончено)

1997г.

* * *

И время, и вода
есть формула, далёкая от химии.
Ломая шар, приобретая линии.
Внося трапецию в системы бытия.

И время, и вода
есть формула, далёкая от истины.
Живут слова, соприкасаясь мыслями.
К началу, и концу, как «А», и «Я».
И время, и вода
есть формула...

1997г.

На берегу заброшенного мыса

На берегу заброшенного мыса,
горячий воздух, запах барбариса.
Шум океана. Млеют кипарисы,
под жарким солнцем, брошенного мыса.

Духота. В старой хижине к вечеру, пахнет салатом

из крабов. Много их, у пурпурного мыса.
Невозможно уснуть по ночам, речь сливается с матом.
Когда в тысячный раз, с чем-то возиться толстая крыса.

Небо редко порадует глаз, пролетающим (над)
самолётом.

Утешение в полдень, трансляция матча из Дели.
И от рыбы тошнит, как в дешёвой аптеке, от йода.
Очень часто мечтаешь о виски, в прикус с карамелью.

Мухи липнут к щекам, как кусочки прозрачного скотча.
Поклоняясь богам эпидемий, разносят заразу.
Всё равно не уснуть, и не скажет никто «доброй ночи».
Если только не шёпот воды, или крик водолаза.

На другом берегу, ловят рыбу. Предлагают за жемчуг
валюту,
немного. Но можно хотя бы одеться по моде.
Здесь довольно тоскливо, не хватает, лишь только к уюту.
Большегрудой Испанки, чтобы ей овладеть на комодe.

Постоянно ныряют, как падают, спины дельфинов.
Отвлекая внимание, разделяют минуты досуга.
Иногда можно спутать их, с заблудившейся субмариной.
Приплывшей тайком, то ли с Севера, то ли с Юга.

Рядом бродит живая душа, это чёрный лохматый пёс.
До сих пор, я не в курсе, кобель, или сука.
Я не знаю, с каких берегов, его «дух» принёс.

Или точнее сказать, с какого упал бамбука.

Читаю, опять прошлогодний журнал, о футболе.

Пишут: «За год погиб, уже третий фанат».

Снова хочется виски, со льдом. И большого застолья,
но, увы, на обед, лишь из крабов салат.

1997г.

«Неаполь»

В прокуренном баре «Неаполь»,
где пил я джин тоник. Каракуль
седых облаков поднимался,
по трапу на палубу «Марса».

На сцене всю ночь танцовщицы,
крутились, и их ягодицы.
Съедали глазами, как груши.
И море владело над сушей.

Стоял я за стойкой, распятой.
Был вечер, и час был девятый.
Путаны курили у входа.
Хрипел баритон парохода.

Он прибыл сюда из Каира,
под звуки ночного буксира.
Рояль надрывался бедняга,

и вышла у двери дворняга.

Я был здесь, смотрящий на море.
Турист, говорящий: «I am sorry».
Снимая роскошную шляпу,
в прокуренном баре «Неаполь».

1997г.

* * *

Однажды с наступлением темноты.
Остынут руки, превратятся в сучья.
Заснут, как дети чёрные коты.
Заснут дома, и грозовые тучи.
Всё будет спать, и в этом царстве сонном.
Твои звонки, как Морзе, одной точкой.
И в этом мире, Богом превзойдённом.
Меня порвут за слово в сны, и ключья.

1998г.

Отрывок

Век начался в четверг. Открыв окно,
я выглянул на улицу. В четыре
представил Эллиен, обнажённой лире.
Схватившись за гусиное перо.

Пришёл сосед с бутылкой коньяка.

Из парка доносились звуки марша.
В порту на привязи, застенчивая баржа,
раскачивалась в роли поплавка.

Ушёл сосед, мне не сиделось дома.
По улице направо, магазин.
Вчера открылась выставка картин,
и я купил ещё бутылку рома.

На площади с собакою, старик.
Пиликал что-то вяло на гармошке.
И в стаю серые, там собирались кошки,
похожие на старый дождевик.

Пробило семь, я вышел на балкон.
Зажглись витрины, сказочным неоном.
В «Неаполе», две барышни в зелёном.
За столиком курили, с мундштуком.

Промчался день, и взявшись за перо.
Я вспомнил Эллен, в маленькой квартире.
Накинул плащ, на плечи голой Лире.
Век начался в четверг, и я открыл окно.

1998г.

Парижские зарисовки

В Париже мы увидимся опять,

под звуки механической шарманки.
Шарманщик подсчитает свои франки.
На площади Согласья, ровно в пять.
У лавки книжной, будут букинисты,
доказывать теории Руссо.
А рядом, у соседнего бистро,
жуёт бигмак, какой то толстый мистер.
Снуют туда, сюда, как муравьи.
Столичные месье, и парижанки.
Откроются сперва кафе, и банки.
И вернисаж у Notre Dame Paris.

1998г.

Парижский бульвар

Я заснул на рассвете. Начало
было дня, был Парижский бульвар.
Домработница сильно кричала,
обнаружив в шкафу пеньюар.

Дворник лихо сметал поцелуи.
Предложения, суффиксы, листья.
Упомянута Лаура всеу,
Жозефина сломала мне кисти.

Было утро осенним, и грустным.
Листья бились о стёкла, как пули.
Пиджаки, и под лампою тусклой,

безразлично свисали на стуле.

Участились дожди, для прохожих.
Кто-то снова забыл пеньюар.
Я проснулся сегодня чуть позже.
Было утро, Парижский бульвар.

1998г.

Пасха

Пасха. Ангелы в белых фраках, и бабочках.
Возвращаются с дальних мест.
Преподобный отец Анатолий, служит Богу.
На Соборной площади, очень много
пожилых людей. И Христос Воскрес!

1998г.

Письмо

Ну, здравствуй Тиртей.
Приезжай скорее, к нам в город.
Мы ждём тебя, слишком долго.
Вчера, даже не садились есть.
На ужин была отменная сёмга,
в соусе, под маринадом.
Ароматный жульен, вино.
В театре вчера давали,

не то Гамлета, не то Сирано.
Я сейчас точно, не помню,
да, и это не главное.
В общем было развлечься чем,
не считая вечерних бабочек.
Специально приехавших из Мадрида,
в роскошных, открытых платьях.
Для услады, и размножения вида.
В цирке программа Буффо
надо, отдать должное, было славно.
Звучали скрипки, переходящие
в арфы плавно.
Играли Шопена, раннего Баха, и Брамса.
Вальс, виртуозность каданса,
повышает (ещё) настроение.
Лебеди прячут своё отражение,
в зеркале улиц, или
в глазах просто прохожих.
Тиртей помни:
Когда ты приедешь, всё это ждёт тебя.
Приезжай лучше, в середине мая.
Мы ждём. Подпись:
Твои друзья (запятая), и бабочки.

1998г.

Посвящение

Независимо сколько слов, в предложении этом.

Обязательно станешь картиной, я же стану багетом.
Натюрмортом, пейзажем, портретом.
Обязательно станешь Тиана.
Вернисаж, демонстрация проб, и ошибок.
Исправленье, старенье, поклонение богу улиток.
Ты дороже, чем золота слиток.
Я дешевле вольфрама.

1998г.

* * *

Произношение, есть голос Божества.
Сопrotивляется при самом малом тренье,
с грамматикой ритора. И слова,
уже не допускают ударенья.
На гласные, особенно на те,
чьи головы похожи на мечети.
Прибитые, как панцири к стене,
от равнодушья стонут те, и эти.
Единый Бог для вечности, и века.
Не прикасайся только, к лику слов.
Вся жизнь, и состоит из человека.
Создавший мир, по сумме двух углов.

1999г.

Прошлогодний твист

Растрезвонила детвора,

во дворе прошлогодний лист.
Танцевал с тобой до утра,
прошлогодний, осенний твист.

А декабрь стучался в дверь,
по привычке пришёл ко мне.
Заходи, садись, мой родной.
Будем петь с тобой, и будем пить.

Обогреет тебя мой дом,
ты с дороги устал, спи.
Я подкину в камин дров,
разбуди, если можешь, в три.

До заснеженных облаков,
не доходят твои слова.
 Попрошу я крылья, у ангелов,
чтоб к тебе прилететь в ночи.

Забери меня, мой родной,
пусть крылом, станет рука.
Обогрей меня пеленой,
из заснеженного облака.

Как на озере, в октябре,
облетала с ветвей листва.
Прошлогодний лист во дворе,
растрезвонила детвора.

1999г.

* * *

Своим теплом касаешься стены,
и ярче свет, от лампы-керосина.
На шторе тень, с оттенком габардина,
и мягким приближением зимы.

Уснули стулья, очень устают.
От пышных, и от узких заголовков.
Играет на окне прожектор ловко,
и стрелки, как обычно отстают.

Уснули липы, в сквере у фонтана.
Переплетаясь с ивами, поют.
Всецело отдают уют,
молчанию строительного крана.

1999г.

Театральный гротеск

Забирай меня, если хочешь.
Я почти становлюсь, как кресло.
Шторы кажутся, мышцами птичьих
сумасшедших полётов. В море,
улетающих ангелов. Вскоре
станут все, с именами твоими.

Как веснушки, на лицах девичьих.
И Игумен с Апостолом спорят,
что до Бога, один, а им тесно.
Сядь поближе, я чувствую болью.

Ни сегодня, так завтра с цветами.
Ты пойдёшь по аллее, с глазами
потерявшей ребёнка орлицы.

Станут люди однажды словами,
если это конечно приснится.
Если ангелы будут над нами,
и бродячий артист докричится.

Расскажи, как сливается солнце,
с прирождённой душой, к полётам.
Птицы выше, над нами, и птицы
могут встретиться с ангелом, чудом.

Расскажите, я был только блюдом
на котором, ей души носили.
И однажды мою, по ошибке, захватили,
что свойственно людям.

Я уже не хочу на свободу.
Лабиринт для Эйнштейна, раз плюнуть.
Для меня же чернильницу вынуть,
на бумаге, оставив природу.

Я хочу, чтобы облако было,
пастухам путеводной звездой.
Как на лестницах старых, перила
уникальность от встречи с тобою.

Матильда, ты была в тот день
прекрасней всех, спешила на работу.
Я ждал на площади, и этому полёту
молились дни, и кошки у дверей.

Матильда, ты была в тот день
с глазами превосходного нарцисса.
Я век застал, и поменялись числа,
как лица у шутов, и королей.

И ты была Матильда, в этот день.
Вспоминай облака, если сможешь.
Исповедаюсь, стану метелью.
В Риме встретил прекрасную фею,
и играла она на свирели.

Целомудренно девы робели.
Оставались Гетеры, и тоже.
Превзошли нас однажды Емели,
своим запахом гари, и смоли.

А сегодня газеты писали.
В театре траур, и шторы-тюльпаны.
Умер Бог, и его провожали.

От которого, много все ждали.

Помоги мне Господь, я согласен
вынуть жизнь, как ключи из кармана.
Лишь бы жили, подобные Боги.
Для Тартальи, и ради Дирамо.

1999г.

* * *

Из Петербурга улетели феи.
Евреи переехали на Запад.
Ушли вожди, захлопнув сильно двери.
Остались львы, стоять на прочных лапах.

Фонари наклонятся на Север, резко.
Ночь потянется за пением птицы.
Дома изобразят конец гротеска.
И Петербург божественный приснится.

Нева окинет город перед стартом.
Глазами мутными Мадридского быка.
На башне шпиль отметит центр карты.
И полетят, как феи облака.

В октябре пахнет жжеными листьями.
Марши, скверы, с вороньими кличками.
Постовой добивается истины.
А я хочу дарить тебе музыку, и благо-величие.

Много сделано, ещё больше сказано.
Дуют в трубы, на старом Волковом.
Возвращайся в четверг, на Марсовом
буду ждать тебя, в пиджаке, и с розами.

1999г.

Три единицы

1.

С тех пор, как ты научилась слушать,
изменилось многое.
Он уехал в Италию,
стал известным поэтом.
Наизусть читал Бродского, и Вергилия.
Обожал женщин с роскошным бюстом.
Научился любить собак,
независимо от родословной.
Создал буквы, из них сложил слово.
Вечерами заглядывал в гости,
к Марселю Прусту.

2.

С тех пор, как ты научилась думать,
прошло двадцать три.
Почти четверть века.
Изменились слова,
стали длинней глаголы.

В то время он жил в Софии.
Дружил с болгаркой, любил Россию.
Обожал хоровое пение,
но особенно любил соло.

3.

С тех пор, как ты научилась видеть,
изменились взгляды.
Мнения, так сложились,
что людей уважают, за скупость.
Собак почитают за Бога.
В то время уехал, он в Бруклин.
Душу очистил, умыл руки.
Для кого это мало,
для него это слишком много.

1999г.

* * *

Тридцать первого, и неважно, какого года.
С плеч, снимая плащи, как плоды, переспевшие яблок.
Проследить невозможно, в каком настроенье погода.
Отклоняет Зюйд-вест непременно, от времени набок.

Ты придёшь навсегда, как слияние Бога, и веры.
Подбирая отмычки к словам, и глаголам, но всё же.
Мотыльки, так похожи на бёдра прекрасной Венеры.
Есть отличие одно, это свойство гранита, и кожи.

1999г.

Увертюра песочных часов

Закрывая глаза перед сном,
ощущаешь прохладу движенья.
Остроносый Стамбул,
иногда позволяет мечетям.
превратиться в тупые углы,
на одно лишь мгновенье.
Как Господь позволяет смеяться,
до рожденья и тварям, и детям.

Уходящее море прощает,
кораблям вытеснение суши.
Если памятник ставить,
его надо начать словом «Santa».
Когда мир станет скуп на слова,
и на добрые души.
Перейдём незаметно для всех,
на язык Эсперанто.

Увертюра песочных часов,
позволяет заглядывать в окна.
Тем, кто раньше ушёл, до ветров,
или тем, кому жить невозможно.
Превосходство дверей в наших душах,
превосходит количество скважин.
Я хватаю Святую иссушенный,

совершая обычную кражу.

Я уйду в разноцветном плаще,
чтобы ангелам было приметнее.
Я растаю, как лёд, и вообще жизнь промашка,
как буква последняя.
Настрой мне скрипку бедный Херувим,
я буду жить под звуки многословья.
Забудь столы, как суть чумы, и пиршеств.
Ещё не создал Бог любви без крови,
оставив только музыку для нищих.
Остывает эпоха, как в пути отдыхает старик.
Незаметно для нас, снова брошено щедрое семя.
Век снимает свой длинный парик,
и опять продолжается время.

1999г.

Неоконченная симфония

Не смотри в окно, не выходи из комнат.
Всё, что есть мир извне, значения не имеет.
Стены забыли тепло, стулья ещё помнят.
Прикосновенье рук, от ревности багровея.

Ставни скрывают луну, как Израильского шпиона.
Тени уличных музыкантов, играют на стенах в бликах.
Не открывай окно. Осень. Не выходи из комнат.
Извини, что я жил, за беспорядок в книгах.

Сохрани мои сны, как картины в прозрачных рулонах.
Не открывай глаза, мир остаётся спящим.
Облака-это белые лошади, в светлых пополах.
Не выходи на улицу, если ты не курящий.

Наверное, этажом выше, мёртвые клавиши Баха,
оживают в руках, студентки консерватория.
Глобус-это подводная лодка, которая после краха,
соблазняет буксир, вышедший из акватории.

Полночь, бессонница, шорох ангелов на чердаке.
Шпиль-это чашка, с расколовшимися краями.
Рим существует до тех пор, пока ты припадаешь к руке
Бога. Превращая восьмёрку в целое, с закруглёнными
для неё нулями.

Не позволяй облакам, превращаться в остатки пуха.
Возможно, демонстрация живописи, и есть
составляющая натуры.
Психология всевидящего слепца, и его слуха.
Болтунов превосходит, особенно в слове «дура».

Старые лица шутов, от постоянной улыбки.
С трудом воспринимают звук, карнавальных музык.
Хочется выключить свет, накинуть плащ, зайти в гости
к улитке.
Почитать избранное Мандельштама, и обнажить язык.

Однокомнатный мир, ещё не предел для дома.
Оконная рама, на глазах сужается до трапеции.
Если ставни опять, прячут какого-нибудь шпиона.
Пускай это, будет ангел, или хотя бы банкир из Венеции.

Поменяй мечту на чулки, сожги календарь.
В твоей постели тепло, и уже не важно кто.
Не стесняйся осени, я задержу январь.
Выкупая твою мечту, белое, надевая пальто.

Не заставляй слова, вешаться на мягких знаках.
Переверни наоборот, и ты поймёшь, почему ночь
превращается в день. И растёт на злаках,
как единое целое боль, и любовь, и проч.

Навсегда, это слово мне часто снится.
Странно, оно никогда не слетает, с твоих уст.
Если ты будешь вечно, пускай не ангел, то хотя бы птица.
Всё равно я запомню твои глаза, и роскошный бюст.

Не сообщай, который час, ветер разносит остатки солнца.
Ветер для осени пустое место, для меня же полёт
фантазии.
Наступают сумерки, ты закрываешь жалюзи, похожие
на глаза Японца.
Ангелы точно узнают в них, наименьшую часть Азии.

Осень. Листья бьются о землю, как плавники
умерщвлённых рыб.

Сентябрь, пора приобретения тёплых вещей, и иллюзии асфodelий.

Ожиданье тому, кто изобрёл точный день. И грипп, как обычно осенью, срastается с горизонталью постелей.

Потуши ночь, как в прихожей свет. Облака принимают форму нуля.

Бог приходит с утра, и улыбкой своей стародавней.

Трубы (медные) горят, извлекая бесшумное «ля».

От восторга живёшь, и в ладоши ты хлопаешь ставней.

2000г.

Последнее послание метафизика, или до, и после существования

Фантазия первая.

Ниоткуда с любовью. Венеция хороша,

особенно в октябре. Пояса каналов,

срываются с языка, и твоя душа.

Распадается на равные части, четырёх вокзалов.

Впрочем, неважно, когда листва

желтеет в Италии. Вспоминая Мексику,

в оболочке прогресса, с текилой в утробе льва.

Начинаешь учить слова, и рычанье граничит с лексикой.

Фантазия вторая.

Что далее. Впрочем, и мир вообще
оставляет следы, честного человека.

Слово имеет смысл, я это понял (можешь проверить).
Чтобы жить дальше, достаточно унаследовать часть века.
Но, если быть дальше, достаточно верить.

Всё чаще приходит мысль.
Приди, забудь всех, вернись.
Если хочешь, я буду дверной ручкой, в начале осени.

Фантазия третья.

Оставляешь часы в гостях? Если хочешь узнать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.